

# Спаситель с нашего двора



16+

Олег Касимов

# Олег Касимов

## Спаситель с нашего двора

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=53930025](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53930025)*

*SelfPub; 2020*

### Аннотация

Все мы знакомы с общепризнанной библейской версией жизнеописания Иисуса Христа. А что если на самом деле все обстояло не совсем так?.. В ФСБ попадает исторический документ из древней Палестины, датированный первым веком новой эры, но написанный на русском языке. Автором письма является выдающегося советский ученый... Героям книги предстоит совершить нечто такое, что поможет сохранить привычный уклад истории, сохранить будущее, находящееся под реальной угрозой.

# Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Посвящается моему другу – Николаю Казакову, благодаря которому я и взялся за написание сего опуса.

Фатум – неотвратимая судьба, рок, неизбежное.

Словарь Д.Н. Ушакова

Все в этом мире уже предрешено. Наша жизнь, с ее мнимой свободой выбора, – просто иллюзия, насмешка над родом человеческим. Копошиться и дальше в своем муравейнике, теша себя мыслями об индивидуальности, самобытности. Вы даже сами можете шевелить лапками, ползти в выбранном направлении! Как приятно, наверное, в это верить. Вот она – человеческая наивность, непрошибаемая глупость: мы кузнецы своего счастья, нам подвластно все!...

Там, где нет ни прошлого, ни будущего, в «абсолютном настоящем», – все уже свершилось именно так, как должно быть.

Подлое, обманчивое время. Перетекает себе мелким песочком. Тикает, мягко убаюкивая. Его вполне достаточно. Можно, не торопясь, все успеть: решиться на что-то, что-то исправить. Мы верим: его будет много. Будет много всегда!.. Но через мгновение оно обрывается – и всё. Ощущение бездарности бытия пронзает нас в абсолютном настоящем.

Что потом?

Пустота?

Конец?

Начало?

Только тот, перед кем не властно время, может созерцать красоту и мудрость жизни, совершая истинные деяния.

# 1

Меня словно вывернули наизнанку. Все тело ломило. Звенели натянутые барабанные перепонки. Казалось, еще немного, и голова взорвётся – как в видеоигре: бац, и разлетелась алыми кусками; кровь фонтаном; непослушное тело делает несколько конвульсивных движений и заваливается навзничь.

С трудом попытался открыть глаза, но яркий свет заставил зажмуриться. Я стоял на четвереньках на горячем песке, не находя сил даже пошевелиться. Ладони и колени обжигал раскаленный песок. «Вроде живой», – мысль огромным булыжником перекатилась по голове. Ужасно больно было даже думать. Ладони начинали гореть от ожога, и, похоже, именно этот сигнал, добравшийся до мозга, растормошил чувствительность, заставив подняться. Солнце вышло из зенита, но от этого палить меньше не стало. Я добрал до какого-то кустарника и упал в него, теряя сознание.

Когда я снова очнулся, было совсем темно. Ужасно хотелось пить. Я вышел из своего убежища и оказался на песчаной косе. Чуть поодаль плескалась река. Превозмогая боль, добрал до воды. Она была холодной, но процедура явно пошла мне на пользу.

Получилось... Получилось вроде.

До этого я полагал, что если дело выгорит, то буду орать

от счастья. Буду прыгать, как безумный. Но никакой радости сейчас я не испытывал – ни эйфории, ни адреналина. Просто ясное осознание, что все еще жив.

Нужно действовать по плану. Я нашел в кустарнике свой рюкзак, достал оттуда маленькую лопатку, выкопал небольшую яму и рюкзак аккуратно поставил туда. Затем завалил яму руками и как следует замаскировал свой тайник. Мягкий песок поддавался легко, но последние силы все же оставили меня. Один балахон из более плотной материи я использовал как подстилку, а вторым укрылся.

Теперь спать. Про завтра будем думать завтра.

## 2

Нашим проектом занимался «Режимно-секретный отдел» –подразделение Научно-исследовательского управления ФСБ. Они ювелирно смоделировали максимально приближенную к тем реалиям обстановку, чтобы мы могли адаптироваться перед выполнением задания. Для этого был создан арт-проект «Израиль. Зарождение новой эры». По-моему, гениальное название. Оно позволило максимально толерантно объединить усилия независимых ученых – как приверженцев христианской доктрины, так и ее противников, сторонников Торы. Естественно, христиан всех конфессий планировали привлекать более активно – ведь наша, или новая, эра ведется от рождества, сами знаете кого.

В СМИ трубили о грандиозной масштабной реконструкции, посвященной юбилейным торжествам в Иерусалиме. Конечно же, израильская сторона была в курсе, и выглядело все как государственная инициатива с официальным разрешением на проведение масштабного мероприятия в исторической части города. Естественно, ничего проводить не собирались – только на этих условиях официальный Израиль включился в игру. Наши специалисты прописали сразу несколько сценариев отступления: как, не «теряя лица», «под давлением общественности», отказаться от заявленного проекта. Там было все: агрессивные ортодоксы, откры-

тые письма недовольных историков в международные СМИ, осторожная риторика по поводу невозможности обеспечения полной безопасности мероприятия и под конец – официальные выступления ЮНЕСКО и Международного Географического общества против подобной акции. Под занавес объявилась благотворительная организация, которая предложила собрать средства на воссоздание старого Иерусалима на другой, пустой территории и провести празднования там, чтобы впоследствии превратить макет в город-музей или парк развлечений.

Пусковой механизм сработал: официальное государственное мероприятие с солидным бюджетом оказалось идеальным прикрытием. Сначала завязалась нешуточная околонучная дискуссия, которая разрасталась как снежный ком за счет дилетантов и «сочувствующих», а позднее профессионалов из разных областей, не желающих мириться с массовым невежеством. В процесс вязались масс-медиа по всему миру. Чем ближе становился официальный старт мероприятия, тем шире делалась дискуссия. Официальные гости токшоу рассуждали о том, какие языки главенствовали в то время и можно ли их воссоздать; какие деньги ходили, как они чеканились; спорили о костюмах, кухне, увлечениях, книгах и даже сексуальных предпочтениях того времени. Последнее, конечно, находилось вне поля наших интересов, но медийный ком было уже не остановить. Аналитический отдел выжимал из этого максимум полезной информации для на-

шей подготовки.

Я не думаю, что светлые умы «органов» провернули все это только для того, чтобы выудить как можно больше правдивой информации из исследователей всех мастей. Да, это было основополагающей целью. Но не только это. При успешном исходе операции «Телепортавт» общество уже было бы готово к маленькому чуду. Возможно, нас могли представить, как супердостижение отечественной науки и техники. Как новую ядерную бомбу или как самый модный гаджет, подобных которым в мире еще нет. Или как новое средство превосходства в самой важной для человечества области: управлении Временем.

### 3

Нас готовили как настоящих разведчиков.

На следующий день после того, как мы узнали об истинной цели эксперимента, началась изнурительная ежедневная подготовка. Системные занятия, собственно, и помогли нам осмыслить всю реальность этого проекта. Точнее, у нас практически не оставалось свободного времени, чтобы сомневаться.

Жесткий, типично армейский распорядок дня начинался с трехкилометровой пробежки. Затем первый урок, который мы посещали все вместе, – греческий язык: ускоренный курс по секретной методике. Вообще-то языком межнационального общения того времени ученые считали латинский, язык Великой римской Империи. Он был аналогом современного английского, ибо весь цивилизованный мир находился тогда под римлянами. Но в Восточном Средиземноморье большинству ближе был все же греческий язык – наследие тех времен, когда греки владели этими землями. Греческий там знали и понимали, как русский на территории бывшего Советского Союза.

Затем полтора часа в тренажерном зале и бассейн. Потом мы разделялись.

Для каждого было заготовлено несколько отправных легенд. У Андрея это были паломник из Хоразина, дальне-

го от Иерусалима городка в Галилее; наемный работник из Махерона, что по другую сторону Мертвого моря; молодой священник из Перея – для этой, последней, версии ввели дополнительные занятия с раввином. В качестве родины того или иного персонажа специально выбирали отдаленные уголки Палестины, чтобы минимизировать возможные встречи с земляками, но так, чтобы это были места по соседству с Иудеей.

Андрей был потомственным евреем и знал иврит: ставили на это. Ему преподавали арамейский, который вместе с ивритом является частью древнееврейского языка – языка талмудов и ветхозаветных текстов, ритуалов и науки. От его арамейского многое зависело.

Как потом выяснилось, Моссад с самого начала пытался навязать в проект своего человека. После мягкого отказа, не имея никаких рычагов давления и желая, по всей видимости, сохранить лицо, спецслужба согласилась с тем, что одним из участников эксперимента станет еврей, даже выбранный не ими. Кандидатура Андрея устроила всех.

Со мной было сложнее. Во-первых, ничего восточного в моей физиономии не было. Еврейского я не знал. Беглец из Малой Азии, желающий наняться в Римскую армию, – только это выглядело более или менее правдоподобно. Со мной еще отдельно занимались латынью.

Мы оба легко превращались в немых калек или, памятуя о прокаженных, обрабатывали перевоплощение с черными

балахонами. Это помогло бы на первых этапах, когда можно было обойтись без языкового контакта. Кроме прочего, с нами занимались рукопашным боем и приучали к перегрузкам. Центрифуга, подобная той, что используется для подготовки космонавтов, температурные нагрузки. Каждый вечер получасовое общение с психологом.

Только небольшая группа людей знала о реальной цели нашей подготовки. Все: педагоги, консультанты, тренеры – полагали, что эта, засекреченная, часть арт-проекта «Израиль. Зарождение новой эры» скорее всего, связана с безопасностью. Да и не о чем было волноваться. Даже я, оставаясь наедине с собой, сомневался в реальности проекта.

Я помнил самый первый день, когда нас привезли в тренировочный центр. Нас было шестеро. Меня, Андрея, и еще четырех незнакомых молодых людей завели в огромную лабораторию-ангар, в центре которой находилась непонятная техническая конструкция. Вокруг нее, словно белые мотыльки, порхали люди в белых халатах – скорее всего, техническая группа. Нас встретил статный мужчина, одного взгляда на которого было достаточно, чтобы понять, кто здесь босс. Мы уже однажды встречались с этим человеком. С его появления все и началось.

## 4

Мы тогда посещали дополнительные занятия по молекулярной физике и термодинамике. В конце очередного занятия появился незнакомец, и наш профессор дал ему слово. Это и был тот самый холеный оратор. Он соловьем заливался о новых перспективах и возможностях экспериментальной группы, которую он набирает. Сулил постоянную, очень высоко оплачиваемую работу для настоящих ученых, вещал о труде на благо отечества. Я таких не очень люблю. Больно у них все ладно и гладко.

В общем, интересующимся нужно было заполнить и сдать анкету.

Андрей сразу загорелся. Ну и я следом за ним тоже заполнил бланк. Спустя пару недель нас официально отпустили с лекций – для прохождения собеседования. Ничего особенного: тесты, логические задачи, медосмотр. Необычным был только тест на психологическую совместимость с напарником. Сколько лет знакомы? Что он любит, чего не любит. Его сильные стороны... Тут-то и выяснилось, что все соискатели пришли парами.

– А это часом не для гей-клуба информация? – вполголоса сдохмил Андрей, вызвав громкое гоготание в аудитории, но, увидев каменное лицо куратора, все-таки заполнил формуляр. И все.

Спустя почти месяц, когда мы практически забыли о странных испытаниях, нас вызвали в деканат. Коренастый мужчина в штатском, чья выправка однозначно выдавала принадлежность к армейским структурам, ошпарил нас взглядом и дивным баритоном сообщил, что мы прошли первый этап отбора. Из его слов выходило, что мы избраны для великой миссии, что должны этим гордиться, и все в таком духе. Стало понятно: оборонка. Желания работать в этой конторе у меня лично не было никогда. И какая там может быть наука – тоже вызывало сомнение. Новые разработки оружия? Мы с Андреем переглянулись и, не сговариваясь, стали отказываться. Армейский истукан словно был готов к такому сценарию. Он достал контракт и отчеканил:

– Две недели работы в проекте, и вам зачитывается военная кафедра с лейтенантскими погонами. Полный соцпакет, а главное – посмотрите: вторым пунктом значится размер гонорара.

О такой сумме мы не могли и мечтать. Видимо, на наших лицах отразилось столь явное сомнение в честности происходящего, что в разговор вмешался декан, молча сидевший все это время за своим столом:

– Поверьте, ребята. Это ваш шанс. И, возможно, другого такого на вашу долю не выпадет.

– Может, в космонавты готовят? – спросил меня шепотом Андрей.

Шутки шутками, а мысль о космосе еще не раз приходила

нам в голову. Уж больно тщательно проводили дальнейшее медицинское обследование. Я был уверен, что меня с моим не самым идеальным здоровьем отправят домой. Так бы, наверное, и произошло, но проекту нужны были пары – совместимые по многим показателям группы по два человека. И я понял, что я до сих пор здесь благодаря Андрею. Мы с ним – одна группа, и мы соревнуемся с другими.

Больше всего угнетала неизвестность. Хотя мы поставили подписи в документе «о неразглашении», до сих пор никакого намека на дальнейшую деятельность не возникло. Кроме фраз о «великой чести быть избранным для этой уникальной миссии» мы по-прежнему ничего не слышали.

К вечеру третьего дня мы оказались в ангаре – лаборатории тренировочного центра, где нас и встречал все тот же статный мужчина. Его звали Аркадий Владимирович Колосов.

«Товарищ, знай, пройдет она,  
Пора свободы, счастья, гласности,  
Но комитет госбезопасности

Припомнит ваши имена», – любил повторять он, и сам же посмеивался над своими словами. Но в тот день он был серьезен и предельно собран.

– Вас осталось шестеро. Вы должны привыкнуть к пониманию, к осмыслению всего того, что произойдет с вами в ближайшее время. Вы – лучшие из лучших, и это не просто красивые слова. Величайшие умы, когда-либо рожденные на

Земле, позавидовали бы вам. Когда-нибудь о вас напишут книги, снимут кинофильмы, назовут вашими именами улицы, города, а может быть, и планеты. Вы самые подходящие кандидаты для важнейшей миссии человечества. Вы должны идти с открытыми сердцами, с чистыми помыслами на эту миссию. И пусть мои слова звучат как проповедь. Нет – как молитва. Молитва, обращенная к вам, наши новые боги.

В умении эпатировать Аркадию Владимировичу отказать было нельзя. Умел он взбудоражить сознание. Он так чеканил слова – наверное, после какого-нибудь нового гэбэшного тренинга по воздействию на слушателей, – что нельзя было не поверить, не поддаться магии его голоса. Он театрально выдержал паузу, обводя нас взглядом и проверяя, добился ли должного эффекта.

– Ну а теперь серьезно.

И поведал следующую историю.

Несколько лет тому назад, Семен Давыдович Ланской, выдающийся советский ученый, создал интересный аппарат. Аппарат, по теоретическим подсчетам, должен был перемещать предметы. Только по теоретическим: чтобы перейти от теории к практике, нужны были экспериментальные образцы, время, человеческие ресурсы – словом, колоссальные средства. Семен Давыдович предполагал, что сможет переместить предмет, а в будущем даже и человека, в другое временное пространство. Долгое время подготовительная работа оставалась его маленьким хобби. Он поделился своими

мыслями с группой коллег. Кто-то из них, конечно из «бла-гих соображений», сообщил «куда следует», в надежде, что самонадеянного Ланского поставят на место. Из кабинетов КГБ информация перекочевала выше. К счастью, она попа-ла на стол одного очень влиятельного деятеля в партийном руководстве. Он был далек от науки, но идея создания пер-вой в мире советской машины времени перевесила все ло-гические доводы оппонентов. Помните, какое было время? Все повально увлекались научной фантастикой. Многим ка-залось, что еще чуть-чуть – и смоемся грань между вымыс-лом и реальностью. Влиятельный деятель слегка поднажал, надавил на святое: «Товарищи, вы что, сомневаетесь в со-ветской науке? А если завтра капиталисты создадут что-то подобное – что тогда? Вы готовы ответить перед партией и правительством?»

После этого на заседании Всесоюзного комитета по нау-ке решение о поддержке проекта было принято единоглас-но. Вместо того чтобы урезонить выскочку, Ланскому предо-ставили лабораторию и штат сотрудников. Вбухали немалые средства в создание опытного образца. Около года прошло с момента старта проекта, а Ланской просил еще время. Меж-ду тем, страна жила пятилетками, рапортами о перевыпол-нении планов и т.д. Его торопили. Ждали результатов. Пер-вые запуски с переменным успехом перемещали небольшие неодушевленные предметы. При неудачных опытах предме-ты деформировало или даже расщепляло, а при более позд-

них, которые Ланской считал удачными, предмет просто исчезал.

Было решено провести первый опыт с живым организмом. Для экспериментального запуска по многим параметрам подходил кролик. И в какой-то степени выбор животного сыграл злую шутку с будущим проекта.

Посмотреть на перемещение живого организма приехала большая комиссия из Москвы во главе с тем самым партийным чиновником. После выработки полного рабочего цикла испытуемый, то есть кролик, просто исчез. Семен Давыдович торжественно заявил, что это уже огромный результат. Нет сомнений, что под воздействием его прибора предмет перемещается в другую реальность – в другой временной отрезок, возможно. Но главный партийный чин не разделил радости ученого.

–Что?! И это все? Это что, цирк? Да я лучше бы Игоря Кио позвал! У него и по пять кроликов одновременно исчезает, а потом из рукавов выскакивает.

Семен Давыдович попытался объяснить, что только в кино можно перемещаться куда угодно, а еще задать точное время и место прибытия простым нажатием кнопки. Мы же занимаемся не фантастикой. Это наука. Тут можно двигаться только путем проб и ошибок. Его машина способна переместить предмет в другую реальность, но понять, а особенно указать и проконтролировать, в какой именно временной отрезок, – практически невозможно. Слишком много

сопутствующих факторов. Это все равно, что пальцем в небо ткнуть.

– Ну и когда же, по-вашему, можно ждать результатов? Через год, через два? А может быть, вообще никогда?

– Да. Может быть, через год, может, через два. А может быть, вообще никогда. Этого еще никто в мире не делал. И сказать определенно ничего нельзя.

... Проект закрыли, Ланского уволили. Начальник в бешенстве материл ученого, обещал, что тот никуда не устроится, кроме как полы мыть, припоминал ему бедного кролика. Но в скором времени началась перестройка. Страну лихорадило, до науки никому не было дела; дальнейшая судьба Семена Давыдовича осталась неизвестной.

Аркадий Владимирович проговорил последнюю фразу нараспев и поставил интонационную точку. Многозначительную паузу прервал один из стоящих с нами парней:

– Ну, это, наверное, не все?

– Как вы догадались? – съязвил он, и продолжил. – Никто бы о нем не вспомнил, если бы не одно открытие. Израильские археологи недавно вели раскопки в Рас-Эль-Амуде, небольшом городишке по соседству с Иерусалимом. Среди прочих находок была одна очень занятная вещица. Один удивительный текст. Он состоял из трех частей. Первая – на арамейском, вторая – на арабском, а третья часть, самая интересная, написана не справа налево, а наоборот. Интересно? Текст прошел такое количество экспертиз, что не оста-

вил никаких сомнений в своей подлинности. Этот древнейший документ датируется 3800-ми годами по иудейскому календарю.

Аркадий Владимирович сделал многозначительную паузу, видимо ожидая, что мы сразу заохаем: «Да не может быть!» Но мы продолжали просто тарашиться на него, не понимая, чего от нас ждут. А я вообще подумал: «Это что, из будущего, что ли?»

– О, Господи. Вы где учились? М-да... Разрушили самую лучшую советскую систему образования, а взамен что? Ох, детишки. Придется вам все разжевывать. У иудеев летоисчисление идет от сотворения мира. Наши предки, кстати, после установления христианства тоже считали так, хотя календарь вели византийский вплоть до Петра Первого. В общем, 3800-е – это первая половина первого столетия новой эры по современному григорианскому календарю. А от чего ведет отсчет наша эра – это вам хотя бы не надо объяснять?

– Вроде как от Рождества Христова? – то ли спросил, то ли ответил Андрей.

– Вот именно. Вы представляете, какая тут замешана история? И это, пожалуй, один из самых важных и интригующих моментов. Ну да ладно, вернемся пока к рассказу. Итак, спецслужбы перехватили документ и засекретили к нему доступ. Разгадать этот ребус в одиночку израильские спецслужбы не могли, и потому неохотно к делу допустили специалистов с российской стороны. Когда нашим специалистам по-

казали документ, то первой реакцией было – это что, приколы какой-то? Новое реалити-шоу: одна спецслужба накалывает другую? «Улыбнитесь, Вас снимает скрытая камера»?

Третья часть документа состояла из частично сохранившегося текста на русском языке.

Даже древнерусская письменность возникла только веков на десять позднее, не говоря уже о современной грамматике и буквах документа, которые использовались только начиная с 20-го века. После еще одной экспертизы последние сомнения в подлинности документа отпали. Это было послание. Как вы думаете, от кого? Правильно: от Семена Давыдовича Ланского. Да, Ланской, судя по всему, отправил нам весточку из первого века нашей эры. Очень занятный документ. Ознакомимся с ним позднее поподробнее. Ну а теперь главное то, что следует из послания. Туда, вслед за Ланским, переместились еще два человека. Но и это еще не все. Эти двое стоят сейчас передо мной. Это кто-то из вас.

Мы вышли на последний этап подготовки перед стартом. Аркадий Владимирович вызвал нас с Андреем к себе. Он трепетно поздоровался с нами за руку и предложил сесть. Сначала полюбопытствовал, как продвигается наша подготовка, всем ли мы довольны. Весь последний месяц нам запрещали говорить на русском. С Андреем мы разговаривали только на греческом, с педагогами добавлялись латынь и арамейский соответственно. Особенно интересно выходило на занятиях по единоборствам и уроках выживания в экстремальных условиях: тренеры общались с нами только через переводчиков, причем старались говорить тихо, чтобы русские слова до нас не долетали. Делалось это для того, чтобы максимально окунуть нас в новую языковую среду. А тут словно сладкое предложили во время диеты: приятный разговор с шефом на родном языке.

– Я позвал вас сегодня для того, чтобы сообщить очень важную новость. Вы будете не первыми, кто отправится в прошлое, но первыми, кто вернется. Вы избраны. Не мной. Не нашей командой. Я даже не знаю, как сказать без пафоса... избраны временем, наверное. Я постараюсь сегодня развеять те страхи, которые, конечно же, вас будоражат. Мы располагаем железобетонным доказательством того, что вы в ближайшем будущем, уже переместились в прошлое. Ведь

именно ваши имена стоят в двухвековом документе, теперь уже можно сказать, великого русского ученого Ланского. Семен Давыдович, совместил два слова – «телепортация» и «космонавт», придумав новый термин – «телепортавт». Так вот вы – телепортавты № 2 и № 3. Занятно, не правда ли? Я ознакомлю вас с его посланием. Вот это копия, но практически идентичная оригиналу.

С этими словами Аркадий Владимирович положил перед нами на стол документ:

– Полюбуйтесь. Свиток в Иерусалиме мог откопать кто угодно и когда угодно. Ланской постарался мастерски обезопасить документ. Первая страница на арамейском. Это просьба-предостережение. Нашедшего сей документ автор заклинает именем Иеговы вернуть его на место и не доставать, пока Израиль не объединится и не станет свободным государством. Иначе обрушится на него гнев божий. Очень умно, если знать, что у евреев мечта вернуть историческую родину заложена генетически, а удалось это только в 1948 году.

Похожая игра на чувствах верующих с использованием имени пророка Мухаммеда присутствует в арабском варианте. Очень уместно, если учесть, что мусульмане обосновались в городе с 7-го века н.э. Предостережение могло и сработать. Хотя я почти уверен, что наш доблестный ученый не полагался на случай, а закопал еще несколько резервных копий документа. Ну, готовы? Вот она – рукопись, перевернув-

шая наши жизни.

«Если вы, товарищи чекисты, читаете этот документ, то все происходит именно так, как и должно быть. Я советский ученый – Ланско...» – в этом месте текст не сохранился. – «Найдите моего помощника Евгения Михайловича Осипова. Он знает почти все про запуск. Если его уже нет, то вы отыщете мои дневники в государственной публичной научно-технической библиотеке, что на Кутузовском мосту, 12. Важно, что телепортавты № 2 и № 3 удачно прибыли. Вы их начнете искать сразу после того, как получите мое послание. Удивительно, не правда ли? В вашем времени они еще только учатся в Ленинградском политехе: Андрей... и Алекса...» Тут снова обрыв. «...ний Михайлович, и самое главное. Я не смогу создать телепорт здесь без вашей помощи. Мне необходимы материалы от пункта В2 до В6, и вся линейка пункта D. И, конечно, еще куча вещей. Попробуйте смоделировать мое изобретение вне лаборатории подручными средствами и тогда поймете, без каких составляющих в принципе не обойтись. Детали расфасуйте по спецодежде телепортавтов. При этом нужно использовать очень точные расчеты. Запомните: максимальный объем, с которым справляются лучи, – плюс 10 сантиметров от тела. Очень важно: чтобы минимизировать временной разрыв прилета № 2 и № 3, масса их тела со всем необходимым не должна превышать моей отправной. Уточните её в моем журнале. Попасть они должны примерно в то же место что и я. Пустынная песчаная коса, ника-

ких случайных свидетелей, и недалеко от Иерусалима. Это большая удача. Но во времени расчеты не скорректировать. Один точно высадится позднее другого. И разница эта может составлять от двух-трех месяцев до двух-трех лет. Поэтому по прибытии они должны отправиться в Иерусалим. Итак, телепортавты. Каждую субботу я буду ждать вас на службе в храме. Вы изучите мое фото, и сами пойдете на контакт. Позывной – «Телепорт», мой ответ – «Телепортавт». Не ошибётесь: храм здесь один. С первым прибывшим мы начнем собирать телепорт и будем ждать второго.

Искренне Ваш

Семен Давыдович Ланской».

– Ну как вам? Переварили? – Аркадий Владимирович явно получал удовольствие, видя наши растерянные лица.

– И вы основываетесь только на этом?! – совершенно неожиданно для себя я схватил со стола документ, и помаhal им в воздухе.

– Спокойно. Это хоть и копия, но и она слишком ценна, чтобы просто так ей размахивать. Вам и этого мало. Что ж. Мы, конечно, отыскали Осипова, упомянутого в письме, и остальную часть той команды. Скажу больше: Евгений Михайлович в здравии и еще вполне трудоспособен. Когда он ознакомился с посланием из прошлого, то просиял, и признался, что самолично запустил Ланского. Он терзался угрызениями совести весь последующий отрезок жизни, ведь был почти уверен, что поспособствовал гибели своего наставни-

ка. Он любезно согласился возглавить всю научную работу по восстановлению телепорта. Сам аппарат нашли в полуразобранном состоянии. Также отыскивали замечательно сохранившиеся дневники Ланского и журналы экспериментов, которые оченьгодились для дальнейшей работы. Полгода команда ученых работала в лаборатории. Два месяца ушло на то, чтобы собрать такой же аппарат в условиях, приближенных к первому веку нашей эры. Еще месяц на то, чтобы минимизировать объем самых необходимых деталей прибора. Евгений Михайлович рапортовал недавно: все готово, удалось расфасовать все необходимое в два комплекта пилотов. Расчеты перепроверяются, и, пожалуй, все готово к отправке. Это что касается надежности и работоспособности прибора. Теперь перейдем к пункту номер два: выбор телепортатов. Мы задали известные нам параметры. Итак, студенты Ленинградского политехнического. Мы полагаем, что Семен Давыдович по привычке написал «Ленинградский». Для него городом на Неве всегда останется Ленинград, ведь он телепортировался до переименования оногo в Санкт-Петербург. Мы вычислили всех Андреев и Александров. Дальше нам на помощь пришли дневники ученогo. Еще в далекие восьмидесятые, описывая оптимальную модель пребывания в ином времени, Ланской считал самой продуктивной работу двух телепортатов. И выбор напарников предлагал производить следующим образом: не просто отбирать двух самых лучших, наиболее подготовленных, а изначально

отдавать предпочтение единомышленникам, подружившимся задолго до эксперимента. Тесная психологическая связь позволяет более продуктивно работать, понимать друг друга, а в условиях другой цивилизации может стать дополнительным фактором, объединяя людей общими воспоминаниями. Такой вот он, Семен Давыдович. Да у них целому поколению подобные идиллические настроения свойственны. Стихи, бардовские песни всякие. «Шестидесятники», короче. «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.